

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ВСТРЕЧА

НОВОСЕЛЪЕ

ВСТРЕЧА

ТОГО ЖЕ АВТОРА·

РАЗГОВОР С ПАМЯТЬЮ. Первая книга стихов.

СОЛНЕЧНЫЙ ПРОИЗВОЛ. Вторая книга стихов.

ПОЛДЕНЬ Третья книга стихов.

БЕРЕГА Четвертая книга стихов.

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ВСТРЕЧА

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

НОВОСЕЛЬЕ

ПАРИЖ

1 9 5 8

Усну и кончится в тумане,
И сон меня освободит —
На самом дне воспоминаний
Есть горечь давняя обид.

Еще какой-то миг продлится,
И слышу — зов издалека...
И это снится, снится, снится:
И площадь, и собор, и птицы,
И дождевые облака.

Дворец фаянсовый, крылатый,
И часовые в тишине,
И снова лодки, и в заплатках
Суровый парус на волне.

И если бы собрать все клятвы
За жизнь, за жизнь, что изжита —
Какая пламенная жатва,
Какая муть и пустота!

Истончилась она, оплыла,
В беспорядочном ветре ослепла.
Что ж осталось мне — горсточка пепла,
Промелькнувшая тень от крыла,

Темно-рыжее, в брызгах, весло —
Как смеялись, и лодку кренило —
Все, что, знаю, во времени было,
Все, что время с собой унесло:

И томление, и веселье,
И укоры наедине,
И созвездий тонких качели
В опрокинутой вышине,

Час, когда сердца говорят
Без недавних, горьких заминок,
И дождем атласным жасмина
Отвечает дрогнувший сад.

Опять свобода мила мне,
Чужой улыбки лучи,
Но в полночь падаю камнем
В последнюю из пучин.

Над черной неба стеною
Уже не встанет рассвет.
Миры уходят со мною —
Оттуда возврата нет.

И призрачно все, неожиданно,
Как в омуте синева.
В зазубринах спят каштаны,
Старее в парке трава.

И спорить здесь бесполезно:
Что знаю и что пойму...
Но камень падает в бездну,
И бездна вторит ему.

А чужие глаза портрета
И тревожат и говорят:
«Дальний лай, не к смерти ли это,
Не к утрате ли всех утрат...»

Зарываюсь в подушку, не слушаю,
И судьбу и случай кляню,
Разбиваясь о равнодушие,
Одиночество, тишину.

Куда бредет — ни двора, ни колышка,
На путях, как петли, чьи-то шаги...
Горбуньей стала хромая золушка,
У нее повадка бабы-яги.

Бесчисленны черной лестницы взгорья
И весь в паутине провал потолка...
Твой принц поседел в меняльной конторе,
У доброй волшебницы злая тоска.

И все, что было — разлукой скошено.
О расставаний старческий бред...
И только в небе пустом, заброшенном,
Хрустально-лунный туфельки след.

И сны, что были, когда-то были,
Их блеск голубой уже отсверкал...
Паркет молчат под облётной пылью,
И тонут огни в пучине зеркал.

Вокруг конфетная тоска
И синих макарон прожилки,
Как держит на весу бутылку
Худая детская рука,

И матовый, полуслепой,
С прилавка свет на полки скачет,
И падает в испуге сдача,
Звеня о выщербленный пол.

Когда ж выходит темнота
Из всех щелей, из всех отверстий,
Они упрямого кота
Сурово гладят против шерсти.

И снова улица гудит
Благословение, проклятье...
О дети страшного зачатья,
Судьбу берущие в кредит!

И когда ты всю ночь прокричал без голоса,
А вокруг покой был глубок,
Заострились черты, рассыпались волосы,
Почернели впадины щек.

О себе, не представившемся покойнике,
Ты кричал отдельно, с трудом,
И свершилось — старуха стоит в повойнике,
Стережет младенчества дом,

И летят турманы, голуби сизые,
В торопливом шелесте крыл...
Отчего вся жизнь, где чувства нанизывал,
Провалилась в тартарары?

И осталась от шелудивого мира
Только детства синяя мгла —
Гимназист в нескладной шинели на вырост
Из Тамбова или Орла.

Грязный дым, прогорклая сырость
И потертых стен бахрома.
Тот, кто с миром этим не в мире,
В ядовитый скрылся туман.

Кто, в ознобе, жесть ресторана
Ледяной хватает рукой,
Кто навек мучительно ранен
Непомерностью городской...

Под мотор или под колеса,
Слишком песня эта проста.
Озарил огонь папиросы
Уголок опавшего рта,

И огромной льдиной затерло
В неожиданной тесноте
Красный шарф у самого горла
И от шляпы впалую тень.

Купол церковки синий,
Кладбище на чужбине
В мокрых листьях берез.
Строго и домовито:
Елки чисто повиты
Мелким бисером слез.

На откосе пустынно
Догорает рябина.
День и робок и прост.
Эти кусты косые,
Это ли не России
Задремавший погост?

А для того, кто верил,
Жизни иной преддверье,
Встречи миг роковой.
Для неверивших — это
Сон в земле несогретой,
Скудный сон без просвета
В тесноте гробовой.

Как все неново в городе старинном:
Босой монах и женщина в платке,
Из нежно-голубого стеарина
Цветы на покосившемся лотке.

Мальчишка спорит — маленький меняла,
В его карманах шарики звенят,
Угрюмый пес во тьму влачится вяло,
Белеет двор — кошачья западня...

А волосы как будто в цвет огня
У девочки из моего квартала.

Склонились ветлы унылые,
Словно притихли и ждут.
Утенка зеленокрылого
Убили утки в пруду.

Убили его по праву:
Злоба всегда права...
А как он за ними плавал,
Стараясь не отставать!

Но едва заката полоски
Растопились в желтом огне
И под хлопанье крыльев жестких
Одинокий пруд побледнел —

Еще трудно было поверить
И страшно мне разглядеть
С серебристым отливом перья
На потухшей зимней воде.

В О З В Р А Т

В повторных снах все тот же смысл упрямый.
Летающий луч пронизывает мглу:
Учительница в завитках и гаммы,
Как мелкий дождь по дымному стеклу.

И ощупью, дорогой незнакомой
Пора вернуться в прошлое, пора...
Занесены песком тропинки к дому,
Затоптаны каштанов веера,

Пустынны обнищальные кулисы,
Надтреснутые урны далеки,
Но дрогнули пасхальные нарциссы,
И падают на скатерть лепестки —

И снова детство. Нет, не надо боли,
Воспоминаний выжжена трава,
Теперь меня ничем не обездолить.

А на ветру лежат в открытом поле
Готовые и жалкие слова.

Закат июльский, опаленный,
Растаял в золоте мостов,
Взошла луна в полнебосклона,
Огромная, и притомленно
Склонились призраки цветов.

Из прошлого (чему навстречу?)
Неслись бесшумно, ввечеру,
И плеск, и вздох, и эти речи
Под рокот незаметных струй.

— Останься! — в листьях прошумело, —
Ты здесь, шаги твои легки...
Но ах, любовь перегорела.
И только на аллее белой
Еще мигают светляки.

Будто в разливы хлеба
Маки венки вплели,
Будто полоска неба
Тише сонной земли.

Осени невылазные,
Дребезжанье ворот
(Все ворота по-разному),
Ранней весной празднуют
Шумный птичий прилет.

В яблонном изобилии
Пролегает межа,
Однострунные лилии
На закате дрожат.

Будто Россия рассеяна
В долгой ночи без сна:
Золотом, золотом веяно,
Глубока глубина.

Еще не перешагнули мы,
Еще не порвали связь,
Но в ночь ложимся под пулями
В горбом застывшую грязь.

Луна, как вещая птица
На выцветшем полотне,
И вот прощание мнится
В безвыходной тишине.

И трудно вернуться, трудно,
К тебе, моя сторона.
Огонь метнулся. Безлюдно.
Акации и весна...

Все это уже в непробудной
Последней ночи без сна.

СТИХИ О ПУШКИНЕ

И тот, кто был Пиндару равен,
Чье имя в вечности гремит,
Благословил его Державин,
Вельможа русский и пиит.

Жуковский нежно-благосклонный
С ним дружбы осушил бокал,
И он — учитель побежденный —
Стихам пленительным внимал.

Все было в этой жизни бурной:
Зимы бессонная пурга,
Гурзуф томительно-лазурный,
Пустые финские брега,

И пышнотелая Одесса,
И табор в поле далеко,
Кларисса, Мери иль Агнеса,
В ночи с бретером и повесой
Шампанское вдовы Клико,

И Петербург под утро бледный,
Луна, светящая едва,
И боязливой Тани бедной
Простые девичьи слова,

В гостиных умный Чаадаев
И старомодный Карамзин,
И колокольчики Валдая,
И новый путь, и старый сплин.

Россия Николая. Конский
Суровый храп, тоска, гранит...
В сибирском руднике Волконский,
Рылеев палачом убит.

Бежать, бежать от царской длани
В закрытых комнат синеву,
Под сень дубрав, в рассказы няни
Про королевича Бову.

В Михайловском, где дом запущен,
Мгновенный подавить испуг.
О, радость встречи: это Пущин,
Надежный царскосельский друг!

Так жить, отчаясь, в стане враждем,
Уколов не считать и ран,
Судьба — она повсюду та же:
*Где капля блага, там на страже
Иль самовластье иль тиран.*

И в час, когда зарю предвидя
Осенний свищет ураган
В степях, где некогда Овидий
Встречал кочующих цыган,

И над страной грозней и суше
Двенадцать бьет: пора, пора,
И громче всех громов и пушек
Тяжелые шаги Петра —

Прохладна и неугасима,
Тебе конца и края нет,
Россия, ты неодолима,
Как твой волшебник и поэт,

Прекрасный, мудрый, осиянный,
Познавший жизни глубь и ширь,
И говор птиц, и плеск обманный
Бахчисарайского фонтана,
Веселый сын царя Салтана,
Непобедимый богатырь!

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Кораблей бездонною могилой
Эти были зыбкие луга.
Наше море черный камень било,
Грудью разбивало берега.

Горделиво, в царственном безумье,
Пенную откидывало прядь,
Отступало в рокоте и шуме,
Чтоб затем, в струящемся раздумье,
Обратиться в розовую гладь.

Парусом обмахивалось ярким,
Выдыхало солнце и смолу,
Надвигаясь, вспыхивало жарко...
В полдень известковые хибарки
Крабами цеплялись за скалу.

Деревьев почернел убор зеленый,
Исчиркана подошвами трава,
И только на могиле пропылённой
Чуть видное сквозит: «Не забывай!»

И страх по капле входит, и не сразу
Разлука нам дается. Нелегко
Забуть таких прелестных, пучеглазых
Младенцев и печальных стариков,

И тех, кто пал в строю, чьи губы немы,
Кто руки к небу мерзлomu простер...
Но кинули венки в хрустящий сор.
Как мумии, усохли хризантемы.

А З Б У К А С Ч А С Т Ь Я

В равнодушии и бесстрастье,
Когда сердце еле стучит,
Повторяю азбуку счастья,
Извлеченную из ночи:

Счастье в том, что едино,
Чего не отнимут никак,
Оно в зрачках лошадиных,
В колючей шерсти собак,

В последней жертве бесплодной,
В тревоге, в лихой тоске,
В кулачке ребенка холодном,
Дрожавшем в моей руке,

В луче на шатких перилах,
В парке с мглистой травой,
И в музыке легкокрылой,
Трубной и боевой,

И в том, что себя дарила
Тому, кто уже не свой.

Треск обвала и выстрел гудящий,
И пожара голодное пламя,
В переулке, где мусорный ящик,
Где играют коты с воробьями.

О, детей умирающих трепет,
Воздух — вдоха последнего горше,
Над землей, до пределов замерзшей,
Тень босого ребенка в отряпях.

Из хрипящей раздавленной Польши,
Через Пруссии красные крыши,
Тихий стон подымается выше,
Разливается больше и больше.

Над равнинами, над городами
Детский плач все грознее, все **ближе:**
Закрывайте ворота в Париже
И гасите огни в Роттердаме!

Ни плюща серебряных роз,
Ни росы на скользких перилах.
Ветер шалый тучи унес,
И на миг вышина открылась.

А за ней дорога судьбы.
Как изгибы ее обманны!
Мне опять покинутой быть
В морозящих, косых туманах,

Чтобы здесь, на паперти дня,
Леденело в мутном сознанье:
Что ни угол, то западня,
Что ни камень — воспоминанье.

Последний луч за облаком погас,
И все покрылось тайной влагой талой.
«Париж, весна...» Забытый пересказ,
Воспоминание о небывалом.

И обнажились трещины домов,
Знакомый строй как будто бы нарушен,
Опять тупик мне кажется тюрьмой,
Так обветшали вывески и души.

И скорбь все тяжелее на весах
(О беспокойство и недоумень!),
И безголосо шепчут небеса
О невозможном чуде воскресенья.

Слезинку смахиваю со щеки
В предчувствии тревог и неудачи.
Исчезну я, и будет ли иначе,
Другие люди, лошади, щенки...

Но может быть меня поставщики
За грубыми прилавками оплатят.

Оттого что зная румяного
Искорки в вышине,
Оттого что радуюсь наново
Каждой новой весне,

Веря вновь в нераздельное,
Легкое, без затей,
Быстрое, карусельное
Счастье малых детей —

Мне улыбнется прищуренно
В грифеле старых ниш,
Выстоявший под бурями,
Серенький, олазуренный,
Сердцу новый Париж.

Такое ли небо забыть голосистое
И воздух — червонный и солнечный клей,
Узор кипарисов и пальму лучистую
На этой взъерошенной, голой земле,

И ветер попутный, пугливый и скорый,
Закат и тебя, заревая вода,
Забыть, как на западе бледные горы
Бесшумно проглатывают поезда,

И полный легчайшей весенней прохлады
В глициниях спит занавешенный май...
Забыть ли площадку с цветочной оградой,
Где утро неаполитанской руладой
Встречали шарманщик и попугай.

А Н Н А - М А Р И Я

Тянет мокрой прохладой,
Дым повис на трубе,
Это желуди падают
В мшистую колыбель.

Ветки стонут сырые,
В жаровне хрустят с утра,
Входит Анна-Мария
С пучком желтеющих трав.

Ей три года, она босая,
Румянца нету смуглей,
Она свой букет бросает
В поток горящих углей.

Сияют локоны жесткие,
От смеха кипит слеза,
Стекающая лунной полоской.
На детском личике плоском
Крестьянской Мадонны глаза.

Жукольные мирты,
Столики гурьбою,
Улица жужжащая встала предо мной.
Кофе пахло спиртом,
Небо голубое
Управляло нежной, медленной весной.

И для попрошаек, женщин и поэтов
Пели на столбах охрипшие скворцы.
Отплывали тучи. Дым был фиолетов.
На закате хмурились строгие дворцы.

И шемило так в груди от счастья тесного
И хотелось плакать в сладостной тоске...
А в растущем топоте города чудесного
К солнечной могиле Солдата Неизвестного
Шел провинциал в унылом сюртуке.

В БУЛОНСКОМ ЛЕСУ

Скоро, скоро зима одолеет
Все акации, все тополя.
Скачут лошади, гривы белеют,
Под копытами стонет земля.

Оголенные ветви кивают,
В листьях свернутых капельки слез,
И притворно скулит и зевает
У скамейки приземистый пес.

И в давно освященном порядке
Смотрит серое солнце в упор,
И по-старчески дети в перчатках
И холодный и вежливо-гладкий
На аллее ведут разговор.

Кончатся реки в песках,
Слова истлевают, и гаснут
Минутные чувства. Напрасно
О грошике молит рука.

А мне обходить стороной
Тропинку разлуки осенней...
О, мелкое счастье забвений —
И этого здесь не дано!

Навеки, навек — приговор.
Никто, никогда... И нежданно
Встречаю безумный, стеклянный
И неотвечающий взор.

ЦЫГАНСКАЯ

Но какие слова ни будили бы,
Нет спасения от судьбы
Для того, кто погас и вылюбил
И любовь свою погубил.

Были трещинки, стала трещина,
И исчезло все без следа...
Слезы были — те, что обещаны,
Расставание навсегда.

Так не надо вскрика веселого.
Скройся, пьяная благодать!
Я хочу, укрывая голову,
По-бессонному и тяжелому
Повесть сердца перебирать.

Падают капли костра
Медленно в дымную тягу.
Лошади пьют из Днепра,
Лунную пробуют влагу.

Ходят, хвостами гребя,
Фыркают гулко и нежно:
Вот мы опять у себя,
Снова на левобережной.

Кони — других не найти,
Кони — зеленая грива,
Вы не забыли пути
Меж деревень молчаливых.

Ночью пылали стога,
Ивы шумели и вязы,
В луже кровавой нога
Не оступилась ни разу.

Вдруг открывался погост,
Инеем красным покрытый,
Лязгал трясущийся мост,
Плакал во тьму динамитом,

И до зари, до утра
Гневно поводья звенели —
Целься вернее у цели,
Лошади пьют из Днепра!

ГОРНЫЙ ВЕТЕР

Весь налитый жаркой малиной,
В темном небе свиреп и багров,
Он разгладил широкие спины
Неуклюжих крестьянских домов.

И на площади церковь озябла,
От него поседело стекло,
Он разнес опадающих яблок
По земле золотое тепло.

Камень пористый, рыжий и **черный**,
Неизменный во все времена,
Он точил, обжигая, упорный.

Вся деревня в ладони горной
Диким ветром была сожжена.

Весна, весна... Полета птичьего
Была дорога широка,
Тюльпаны в томном безразличии
Цвели на угловых лотках.

Под вечер облака усталые
Не отрывались от земли,
Венецианскими каналами
Пустые улицы текли.

И, скрещиваясь, гасли молнии
И утихали в проводах,
И как в сосуде переполненном,
Дрожала пленная вода.

НИЩАЯ ВЕСНА

Окна гаснут в луже горячечной,
И кивают мерно дома,
Над китайской узенькой прачечной
Шевелится звезд бахрама.

Фонари в пространство уносятся,
Где суровые валуны
И чугунная переносица
Ухмыляющейся луны.

И молчат мостки деревянные
Над вечернею глубиной,
И шатаясь, движутся пьяные
В голубом пожаре пивной.

Растекается в изобилии
Мокрый свет на камне пустом,
И проходит, словно в Сицилии,
Итальянка с медным крестом,

В бесконечных, спутанных косах и
Шерстяной накидке, одна...
А по черной влаге, как посуху,
Ей навстречу с нищенским посохом
Городская спешит весна.

Молит, дрожит,
Машет руками
И бормочет вослед...
Пусть дребезжит
«Вечная память»...
Вечной памяти нет!

Потемнели
Решетки новые,
Где вороний ночлег,
Иммортели ушли багровые
В хрупкий тающий снег.

О, немило
Сад принаряженный,
Кладбище под горой,
Где могила —
Черная скважина
В глине вечносырой!

На еловое сердце поляны,
На садов темно-синий убор,
На домишко побитый и пьяный,
Покатившийся под косогор,

На румяный платок комсомолки,
На стекла помутневший алмаз,
На монгольские, острые щелки
Изумленно сощуренных глаз

Деревенское небо без силы
Проливало скупые лучи,
И собака волчицею выла,
И листву по ухабам постылый,
Скучный ветер, скрипя. волочил.

ВСТРЕЧА

Платье цветное кружится,
И убор так странно двурог,
Мелькают в кофейной лужице
Подвески ее серег.

Сказала голосом воющим,
Завязавши деньги в платок:
«Твой желанный недобрый, нестоящий,
Ты не ставь его ни во что.

Ты несчастье свое не трогай,
О счастье ты не моли,
Тебе суждены дороги,
Высокие корабли,

Какие-то скал подножья,
Бесснежные города,
Но землю, что ветер гложет,
Ту, что всего дороже,
Не увидишь ты никогда.

Ни угрозами, ни уступками,
Ни подарками без цены...»
И ушла, подметая юбками
Белизну случайной весны.

ГОРОДСКОЕ

Повозка вздрогнула жестяная,
Внезапно ветер сорвал слезу...
Ребенок плачет, но он не знает,
Что нынче возят, потом свезут.

Сугробы листьев, их желтый ворох
На тротуаре, среди огней,
О странный лепет, о треск и шорох,
И это бденье в кругу теней!

Углов и улиц не замечаю,
Ни вас, идущие наугад,
И кровь стучится, и стук отчаян,
А вечер грустный опять качает
На лужах звездные жемчуга.

ЛЕБЕДЬ

Под бесслезным небом чужим
Позабудь о хлебе изгнанья...
Проплывает лебедь в сиянье,
И дорога течет за ним.

Голубая летняя мгла
Драгоценных атласов глаже.
Все пугливей чаек виражи,
Все острее росчерк крыла.

Но в своей гордыне прямой,
Непреклонной, проникновенной,
Он один, один во вселенной,
Где волна стучит за кормой.

Иду, забывшая многих:
Как в памяти уберечь!
И снова нищий безногий
Поет о радости встреч.

О звездной белой сирени
И зарослях золотых,
О ваших глазах оленьих,
О нежных пальцах твоих...

Свершилось, и не исправит
Никто. Мечтанья откинь.
Шаги хрустящие, гравий...
И голос его лукавит,
Скользя в пролетную синь.

Обнажившиеся просторы,
Уходящая колея,
Это скоро исчезнет. Скоро
Истечет, что любила я.

Память книгу перелистала
И швырнула в угол. назло.
И заветное — просияло
И по облаку расплылось.

Но ничто печаль не умножит,
Не пролью над собой слезу,
Поздним вздохом не потревожу...
Пусть меня, как того, в рогоже,
На покой невечный свезут.

В беседке темной комары,
И лепестки в пустом бассейне,
В угаре греческой кофейни
Еще беззвучные шары...

Двоился парус светло-синий
И в зыби прятался, дрожа,
И яхонтом вскипали дыни
На колыхавшихся баржах.

Шел грузчик в выцветшей матроске,
Слепец с потертым посошком,
И спал босяк на рыжих досках,
Укрывшись угольным мешком.

И в утренней тени подвалов
И в треске пыльной мостовой
Она росла, она вставала,
Она мечтанья обгоняла —
Одесса детства моего!

Н Е В А Д А

Что древней земли с голубыми сушами,
Где гудит шагов тяжелая медь,
Где под льдистой лампой рассказы слушала,
Как с большой горы спускался медведь.

И по облачной гололедице,
Напрягая кровавый взгляд,
Шла взлохмаченная медведица,
Чтоб укрыть своих медвежат.

Было звезд мигание кроткое,
Боязливый ответ луны,
И дыханье ветра короткое,
И была над озером четкая
Перекличка лая и тишины.

Во сне туда приезжаю.
Недвижный вечер, вода,
И улица мне чужая,
В ней звездные провода.

И знаю, будет свиданье
В притихшем, влажном саду,
И бой часов, и сиянье
Сквозь узких листьев гряды.

Но где тот сад — позабыла,
Те листья унесены...
Какой-то фонарь унылый
Качается у стены.

И сон заветный утерян,
И прошлое под замком.
Я в полночь одна у двери
С пробитым половиком.

От полей, жарой притомленных,
Отошел навязчивый зной,
И давно — волна за волной —
Ночь прихлынула к стеклам вагона.

Поздний хлеб по скатам ложится,
Как прибой вечерний шуршит,
Прокричит и умолкнет птица,
И опять в полях ни души!...

Но бледнеет месяц овечий,
Ледяная каплет роса,
И кому-то песня перечит:
«Тонкий стан, покатые плечи,
Золотая -- по пояс — коса...»

Снова деревья по росту
Строятся, строятся в ряд.
Снова чеканная поступь
Пыльных, веселых солдат.

Солнце весеннее жадно
Лижет холодный гранит,
Прыгает пудель нарядный,
Белый разносчик спешит.

Пьяный от света бескрайного,
От молодого луча,
Спит среди плеска трамвайного
Город, похожий на тайного,
Нищего богача.

Был мартовский сумрак певучий,
Был встреч неожиданных час,
Луна в треугольнике тучи,
Блуждая, тревожила нас.

И некто в тумане багровом,
Пошатываясь слегка,
Сказал: «Вы по-русски, ну словом,
Порадуйте земляка,

Подайте...» И я протянула
Звякнувшие гроши —
И бездомным снегом пахнуло,
Вдоль стены собака шмыгнула,
И падало сердце от гула
Надвигающихся машин.

Воздух лимонно-табачный
Изнывал от тоски.
В залах сидели мрачно
Бывшие игроки.

Были всего чернее,
Скукой поражены,
Траурные лакеи
У теневой стены.

Следуя их похоронному,
Горестному жезлу,
Сонные люди к зеленому
Приникали столу.

Разорившийся кто-то
Плакал. Была широка
Темной двери зевота.
Бывшая позолота
Капала с потолка.

Теперь, когда прошлое ближе нам,
Чем привычная суета,
Буду время в кресле просиженном
Над пасьянсами коротать.

И еще одна, без названия,
Жизнь растает в табачной тьме.
Ни раскаянья, ни признания...
Ночь ушла до зари шуметь.

И осыпались лампы звездами
В темном зеркале. Гладь чиста.
Все досказано. Чувства розданы.
Отрешенность и немота.

Отдай мне прогалину ржавую,
Листья и бурелом,
Отдай мне то, что по праву я
Носила в сердце своем.

Флагом туча полощется,
Укрывается желтизной —
Отдай мне сады и рощицу,
Осенний запах грибной.

Он молчит, мой дом заколоченный,
Тишина по чужим дворам...
Все изглодано и источено.
Раскидало здесь по обочинам
И развеяло по ветрам.

В пещере печки поленья
Пустой вели разговор
О сладкой прошлого лени...
Казалось, зимой олени
Ломают легкий забор.

И вдруг поднялось и мимо —
В ямщицких криках глухих,
И были неповторимы
Реснички темной дохи.

Всходило солнце такое,
Какого быть не должно —
Огромное, ледяное.
И как все было давно!

В ГОСПИТАЛЕ

Пеликан обещал погоду,
В синеве мелькали крючки,
Снились волосы цвета меда
И прищуренные зрачки.

Дикий парус, от бури пьяный,
Бился вновь среди тишины,
И вздымались из океана
Обнаженные валуны.

И земля в ожиданье стойком
На волну смотрела в упор,
На измятой больничной койке
Был прибоя медленный хор.

И была такая прохлада
Эвкалипта длинных ветвей...
В полутьме ковбой из Невады
О пустыне плакал своей.

И опять сражался неистово
И в бреду свистел: берегись!
А в огне заката лучистого
Уходило облако ввысь.

Изнывали пастбища новые,
Иссякала в скалах вода,
И мустангов гривы суровые
Провожали в ночь поезда.

Снились склоны облачных гор его
И последней кручи привет.
Снилось: смерть в одежде лазоревой
В полевой вошла лазарет.

ПОРТУГАЛИЯ

Идут, идут дородные быки,
Ревут ослы, поет пастух убогий,
Иссушенные ветром тростники
Качаются у сгорбленной дороги.

Мелькают низкорослые леса,
Земля их тут без радости вспоила,
И мельница летит ширококрыло
В бесплотные, седые небеса.

И в радужную мглу устал смотреть
Подсолнечник (он знает, время длится),
И дети, как встревоженные птицы,
Клюют из рук оливковую медь.

Я пишу и себя неволю,
Замирает перо в руке.
Я пишу с беспредельной болью —
В обреченности и тоске.

Эти строфы кровью согреты,
Их мелодия нелегка...
Разве так писали поэты
В колыхании ночника?

И бормочет память устало
И во тьму уходит, пыля.
О былом... Но его не стало.
А земля всю влагу впитала,
И потом иссохла земля.

А может быть, это снится:
Рассвет, стучащий в окно...
А может быть, нам мириться
При жизни было дано.

Теперь уже не придется
Прикидываться и лгать.
Умолкло сердце, не бьется
О жесткие берега.

Уголек прощальный не светится,
Истаяла желтизна,
И на этом свете не встретиться,
И что будет там — не узнать.

Среди рощ апельсиновых и свалок,
Между вышек и пустырей
Он лежал, затаившись. Я знала,
Это город закрытых дверей.

Слишком новый и неприступный,
Там, где воля с чувством хитрит,
Где вбирают вечер лоскутный
Зеркала огромных витрин.

Равнодушие и усталость —
Все глухие, все свысока...
Больше в двери я не стучалась
И не трогала лед звонка.

И бежала в осенней дрожи,
Спотыкаясь о камни легко,
Чтобы видеть своих, непохожих,
За стеклом затемненным тоже
Ускользящих двойников.

Все туже, туже и туже —
Уснешь, и не разбудить.
Но были иные стужи,
Другие были дожди.

Вода была темно-синей
И в лужице и в морях,
Стелился ласковый иней
В расселинах декабря.

Был свет заката неяркий,
Озерная полутьма,
Ты в парк входила, и в парке
Пестрела листьев кайма.

На каждой скамейке ждали,
Томились и стерегли,
И были лунные дали
Как белые корабли.

И сердце изнемогало,
Счастливых мук не тая,
Пугалось и замирало,
И звезда влюбленных мигала:
«Ты мой, я твой, ты моя».

Р О Ж Д Е С Т В О

Домов накрененные льдины,
И темный следок у дверей,
И топот, и храп лошадиный,
Дыханье из теплых поздрей.

Увижу, и сердце забьется:
Снег выпал — погода свежа,
В сугробах смешные уродцы
Приплясывают и кружат.

Там ласковым звоном звенело
Сквозь тихий рождественский мрак,
И долгой полуночи белой
Подмигивал оледенелый
Звезды беспокойный маяк.

Непрерывный вертится валик,
И скрипит бесцельно игла,
Что недодали, перебрали,
Разоривши душу дотла.

Все забыто — вздох неумелый,
Прозвучавший вдруг в тишине,
И асфальт, исчерченный мелом,
В торопливом майском огне,

И внимательные платаны,
Нас встречавшие на пути...
Но слова на помощь не встанут:
Поздно жалить, поздно шутить,
Обижать, залечивать раны.

Моторы отрывисто лают,
Промчатся, и вновь тишина,
То избранных Он посылает
На подвиг в пустыню Синай.

Он звезды слепые рассеял
И ночи рассыпал золу...
Незримой тропой Моисея
Идут в неоглядную мглу.

И эхо столетнее будит
Один — вековечный — ответ.
Но голос раздался: «Да будет!» —
И стал (под угрозы орудий)
Высокий, негаснувший свет.

Мертвецы лежат за околицей,
Мокрый снег могилы кропит,
И кустарник высохший колется,
Догорая в чуждой степи.

Мчатся искры в прорубь суровую,
Светят звезды с самого дна,
А пожаров лента пунцовая
В небо черное вплетена.

Кто спешит среди окаянного,
Гробового блеска пурги?...
Не видать столба деревянного,
Ни косматой кровли, ни зги.

То боец идет, и не дышит он
В беспощадной ветра пальбе.
Помнит, смертным крестиком **вышиты**
Ручники в мадьярской избе.

Здесь гнутся ветки покорней,
Их вздох и заботлив и тих.
Взрывают лестницу корни
Могучих деревьев седых.

Пылают высокие стены,
Уходит закат в огне,
Распластаны крылья надменно
В задумчивой вышине.

Здесь солнце играет в пене,
Земля ему нипочем,
А ветер, как на арене,
Стреляет белым бичом!

Нужны были годы немалые
Забвения и разлук,
Нужны были эти усталые
Движенья дающих рук,

Потухшие окна, жадно
Шныряющая луна,
Размеренно, беспощадно
Гудевшая тишина,

Чтоб в комнатном беспорядке,
Задрожав, рассыпалась мгла,
И диван закачался шаткий,
Чтоб сухая горечи складка
Навсегда в душе залегла.

Облегчила бы все недуги,
Нелюбовь развеяла дым,
Если б только был ты мне другом,
Или сыном был ты моим.

Рассказала б, как втихомолку я
Пробираюсь в сумрак густой,
И кривые ножницы шелкают
В гуще августовских кустов.

И среди негладаных бедствий,
Поездов и трюмов глухих,
Вырастает тихое детство
Из кровавой сердца трухи.

Легкий шелк занавески синей,
Взвейся, взвейся в прощальный час,
Ведь никто из огня не вынес,
От заклятья меня не спас.

И как маятник, свет унылый
На пустынной глади стекла...
И не знаю, кого любила,
И не помню, кому лгала.

На рассвете родился от дьявола
Недостойный, мучительный страх.
Как белесое солнце плавало
В подрумяненных небесах!

Вышина, сиявшая розово,
Стала меркнуть. Скозились кресты.
Реки сгорбились. В чаще березовой
Заиграли белок хвосты.

На мгновение душу радуя,
Дикий ворон ускорил полет
И спустился. А за оградю
Кто-то шел, качаясь и падая,
В черноту, неизвестность и лед.

П А Р И Ж

Нет, он праздничный, не всегдашний,
Эти камни прошлым живут,
Но турист глазееет на башни,
Просверлившие синеву,

Остроухие ждуг химеры,
Ухмыляются тишине...
В книге снов, разбухшей и серой
(Или только чудится мне)

Он стоит, ветрами овеанный,
Чуть задерживая полет.
В книге детства, ветхой, подклеенной,
Где страницы наперечет.

В ЗООПАРКЕ

Засияла медная глыба,
И чугуи решетки заржал,
И струя мелькнула, как рыба,
В золотых зрачках у моржа.

Появлялась, из-за куста ли,
Красногрудка в вихре песка,
И бесшумно ветви листали
Посветлевшие облака.

Снова голубь немногословный
Падал вниз с чужой крутизны,
И шары бездушно и ровно
Уходили в холод церковный
Этой ранней, кроткой весны.

Одинокий падает желудь
Всюду лень, блаженная лень,
В этот августовский, тяжелый,
Оснащенный влагою день.

Ни о чем она не жалеет,
Не тоскует и не скорбит,
Когда прыгают по аллее
Незнакомые воробьи,

И струится ветка несмело,
Тень ее сгоняешь с лица...
Здесь счастливой быть до предела
И несчастною до конца!

В буром доме, где много крика,
А под утро — бледная тишь,
Жил ребенок из Порто-Рико,
Боязливо-острый, как мышь.

Сколько раз мы с ним силой мерились,
Падал свет холодный, тугой,
Он хотел быть индейцем с перьями
И пиратом с белой серьгой.

В очень длинном автомобиле
Мчатся в ночь, кончая игру,
Чтобы пули изрешетили
Замелькавших стен полукруг,

Чтоб не знали: темно от страха
В тесной комнате одному,
А отца полицейский с бляхой
На рассвете увез в тюрьму,

И мотор расстроенный хныкал,
Снег валил в расщелины крыш...
В буром доме, где столько крика,
Жил ребенок из Порто-Рико,
Боязливо-острый, как мышь.

F A R W E S T

По долине, мраком расколотой,
Воровские волчьи следы...
Кто давал кровавое золото
За глоток пятнистой воды?

Вот часы с отогнутой стрелкою,
Чье-то время, данное нам,
Абажур из бисера мелкого,
Фотографии по стенам.

В этом бурном людском улове
Чья в крови скользнула нога,
Кто, упав, навек обескровил
Подвернувшегося врага? —

Чтоб от этой попойки вздорной
Только горечь оставить на дне,
Только отгиск тягостный, черный
На помятом и мокром сукне...

Но уже ночные пожары
Догорели. Просинь свежа.
Бывший город встает из кошмара:
Деревянные тротуары
И кладбищенские сторожа.

В С У М Е Р К А Х

Сто вечностей назад в гостиной
Был пухлый с вензелем альбом,
И восковое пианино,
И в сумерках запев старинный, —
Был парус белой паутиной
В тумане моря голубом.

Но скрылся он, его не стало,
Чиста разлуки полоса,
Его туда волна умчала,
Где спят иные паруса.

И вот в эфире голос дальний,
Явившийся, чтоб чаровать.
Все беспокойней и печальней
Звучат забытые слова.

Многоязычное шипенье
На миг, на миг остановить...
И пусть втекает это пенье,
Освобождая от сомненья,
От горестей и нелюбви.

Где созвездья медуз колючих,
Голубая пыль тополей,
В поднебесье луга и кручи,
Тень крыла в потемках аллея?

Все пушинки вдруг отблестели,
И в закат последний легли
Ветрового Сен-Рафаэля
Безымянные корабли.

Что же, песня станет разгонной,
Оборвется здесь навсегда —
На непрочном окне вагона
Нивы, рощи, реки, стада...

Как в романсе: разбито, распито,
Никому не нужны, никому...
Мы давно кандидаты в госпиталь,
Сумасшедший дом и тюрьму.

И, вступая, басит контральто,
Дрогнул свечки тлеющий прут.
Это лист бежит по асфальту
На худом осеннем ветру,

Это крышка хлопнула в зале,
И сорвалось верхнее ля —
Одиночество и так далее,
И зачем судьбу умолять!...

Вновь на поезд мы опоздали.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Усну и кончится в тумане	7
Истончилась она, оплыла	8
Опять свобода мила мне	9
А чужие глаза портрета	10
Куда бредет --- ни двора, ни колышка	11
Вокруг конфетная тоска	12
И когда ты всю ночь прокричал без голоса	13
Грязный дым, прогорклая сырость	14
Купол церковки синий	15
Как все пеново в городе старинном	16
Склонились ветлы унылые	17
Возврат	18
Закат июльский, опаленный	20
Будто в разливы хлеба	21
Еще не перешагнули мы	22
Стихи о Пушкине	23
Черное море	26
Деревьев почернел убор зеленый	27
Азбука счастья	28
Греск обвала и выстрел гудящий	30
Ни плюща серебряных роз	31
Последний луч за облаком погас	32
Оттого что зноя румяного	34
Такое ли небо забыть голосистое	35
Анна-Мария	36
Кукольные мирты	38
В Булонском лесу	39
Кончаются реки в песках	40
Цыганская	41
Падают капли костра	42
Горный ветер	44
Весна, весна... Полета птичьего	45

Нищая весна	46
Молит. дрожит	48
На еловое сердце поляны	49
Встреча	50
Городское	52
Лебедь	53
Иду, забывшая многих	54
Обнажившиеся просторы	55
В беседке темной комары	56
Невада	57
Во сне туда приезжаю	58
От полей, жарой притомленных	59
Снова деревья по росту	60
Был мартовский сумрак певучий	61
Воздух лимонно-табачный	62
Теперь, когда прошлое ближе нам	63
Отдай мне прогалину ржавую	64
В пещере печки поленья	65
В госпитале	66
Португалия	68
Я пишу и себя неволю	69
А может быть это снится	70
Среди роц апельсинных и свалок	71
Все туже, туже и туже	72
Рождество	74
Непрерывный вертится валик	75
Моторы отрывисто лают	76
Мертвецы лежат за околицей	77
Здесь гнутся ветки покорней	78
Нужны были годы немалые	79
Облегчила бы все недуги	80
На рассвете родился от дьявола	82
Париж	83
В зоопарке	84
Одинокий падает желудь	85
В буром доме, где много крика	86
Far West	88
В сумерках	90
Где созвездья медуз колючих	92
Как в романсе: разбито, распито	93